

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Книги
**ПИТЕРА
ДЖЕЙМСА**

Кровная месть

Провидица

Одержимость

Алхимик

Пророчество

За сумеречным
порогом

Прыжок
над пропастью

Искушение

Призраки прошлого

Роковой выбор

**ПИТЕР
ДЖЕЙМС
РОКОВОЙ
ВЫБОР**

Санкт-Петербург

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44
Д 40

Peter James
THE TRUTH
Copyright © Peter James/ Really Scary Books Ltd, 1997
First published in 1997 by Orion, London
All rights reserved

Перевод с английского А. Белорусова

Оформление обложки И. Кучмы, В. Манацковой

Ранее роман издавался под названием «Антихрист».

ISBN 978-5-389-18437-4

© Перевод. ООО «Издательство
Центрполиграф», 2008
© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
«Азбука-Аттикус», 2020
Издательство АЗБУКА®

*Посвящается Джону Терли,
который указал мне путь, поделился своим энтузиазмом,
подарил надежду и, что превыше всего, веру*

ПРОЛОГ

*Кладбище на территории Голливудского мемориального парка,
Лос-Анджелес, 1996 год*

Не меркнувшее даже ночью зарево городских огней освещает кладбище сильнее, чем предпочли бы трое находящиеся на нем мужчин. Они надеялись на полную темноту, но попали в неоновые сумерки.

У одного из мужчин в руках портфель и ксерокопия факса, у второго — фонарь, у третьего — две лопаты, аккуратно связанные вместе. Мужчины знают, что не имеют права здесь находиться, и поэтому нервничают. Они представляли себе предстоящее дело совершенно по-другому, но все получилось против их ожиданий. Человек с портфелем умнее своих подельников, и он понимает, что никогда и ничего не происходит точь-в-точь так, как планировалось.

Они проделали долгий путь. Кладбище их пугает. Мысль о том, что им предстоит сделать здесь, пугает их еще больше, но и этот страх не идет ни в какое сравнение с тем ужасом, который они испытывают при воспоминании о человеке, который послал их сюда.

Двое из них никогда не видели этого человека — они только слышали о нем от других, но слышали такое, чего не расскажешь детям на ночь. Мысли об этом скачут в голове, придавая такую решимость, какой не доводилось испытывать за всю жизнь. Авантюристы словно плывут

на шатком плоту по стремнине, и этот плот называется «Страх неудачи».

Луч фонаря упирается в надгробный камень, сметает с него мрак, словно древнюю пыль. Появляются высеченные на камне слова: имя, дата рождения и смерти. Старая могила. Не то. Они идут по кладбищу дальше, минуют купу деревьев и небольшой искусственный холм.

Еще один надгробный камень. Опять не тот. Они останавливаются, сверяются с нечетким факсом. Осматриваются, видят мраморные обелиски, ониксовых херувимов, гранитные надгробные плиты, порфиновые урны, высеченные в камне слова прощания, цитаты, поэтические строки. Они не большие любители поэзии, и бессмертные строки не достигают их сквозь мрак.

— Мы не на том ряду, идиоты. Нам нужен следующий. Смотрите, тут же ясно видно, что надо пройти три ряда. Мы прошли только два.

Они находят нужный ряд. Находят нужную могилу.

АННА КАТЕРИНА РОУЗВЕЛЛ

1892–1993

Горячо любимой жене и матери

Говоривший вновь заглядывает в факс, с трудом разбирает смазанные буквы, еще раз читает надпись на надгробном камне. Он действует методично, наконец кивком подает сигнал.

Остальные двое осторожно надрезают дерн и скатывают его, словно ковер. Затем они начинают копать. Человек с факсом стоит на страже. Он прислушивается к глухому стуку откидываемой лопатами земли, к шуму автомобильного движения на бульваре Сансет, присматривается к теням. Свидетели тут совершенно ни к чему. Ночь теплая. Почва сухая, она имеет текстуру старых костей, рассыпавшихся в прах.

Лопата взвизгивает, наткнувшись на камень. В темноте звучит ругательство сквозь зубы. Через некоторое время

работа ненадолго прерывается, и гробокопатели пьют воду из фляги.

Их работа продолжается почти три часа, и наконец крышка гроба полностью освобождена от земли. Гроб в хорошем состоянии, кое-где на нем еще держится лак, а палисандровое дерево даже не начало гнить. Это дорогая модель, на гроб пошло дерево, росшее в тропическом лесу.

Стоящие на крышке гроба мужчины откладывают лопаты, получают от своего начальника по нейлоновому шнуру с защелкивающимся карабином на конце и пристегивают каждый к торцевым ручкам гроба. Затем они вылезают из разрытой могилы и разминают натруженные спины. У одного лопнула на ладони мозоль, и он обматывает кисть носовым платком.

Даже усилиями всех троих гроб поднимается из земли с трудом и только через несколько минут отчаянной борьбы оказывается на поверхности. Человек с перевязанной рукой явно полностью выдохся и садится на землю. Они опять пьют воду, беспокожно всматриваясь в окружающую темноту. Мимо пробегает и исчезает во мраке мышь.

Теперь, когда первая, самая длительная часть работы сделана, они уже не так спешат. Сгрудились вокруг гроба, смотрят на него, переглядываются. Каждый пытается представить, как может выглядеть труп, пробывший в земле три года.

Они выворачивают шурупы, крепящие крышку к гробу, и отдают их начальнику, который предусмотрительно складывает их в карман. Возникает пауза, затем мужчины берутся за крышку и пытаются сдвинуть ее с места. Она не поддается. Они тянут сильнее. Слышится резкий громкий скрип, и крышка приподнимается на несколько дюймов с одного конца.

Гробокопатели одновременно бросают крышку и отшатываются от гроба.

— Господи боже! — шепчет тот, у которого перевязана рука.

Вонь. Они не ожидали такой вони. Будто из канализационного отстойника.

Они отходят еще дальше от гроба, но вонь окружает их, будто вся ночь успела пропахнуть ею. Того, что пришел с фонарем, скручивает спазм, но он сдерживается и сглаживает рвоту. Все трое стараются держаться от гроба как можно дальше.

Наконец запах ослабеваает настолько, что можно вернуться к могиле. На этот раз перед тем, как поднять крышку, мужчины делают несколько глубоких вдохов.

Внутри гроб обит стеганым атласом — белым, цвета смерти. Волосы старухи тоже белые. Они тонкие, голова будто в облаке. Хотя они того же цвета, что и атлас, в них нет блеска, который присущ атласу. Лицо старухи бурого цвета, будто старая потертая кожа. Кое-где плоть расплзлась, обнажив лицевые кости. Хорошо видны зубы — блестящие, будто их только что почистили. За то, что она относительно хорошо сохранилась, нужно благодарить дорогой гроб и сухой калифорнийский климат, — пролежав три года в более влажной почве и менее качественном гробу, она выглядела бы гораздо хуже.

Запах уже не такой сильный, он растворился в свежем ночном воздухе. Человек с факсом смотрит на часы. У них осталось чуть меньше трех часов до рассвета. Он читает указания, написанные в нижней части листка, несмотря на то что думал о них днем и ночью всю прошлую неделю и выучил наизусть.

Он открывает портфель, вынимает из него ножницы, скальпель, обвалочный нож и маленький ящичек-холодильник. Работая уверенно и быстро, он отхватывает ножницами прядь волос, вырезает из груди старухи квадратный участок плоти, ампутирует указательный палец правой руки. Из отрезанного пальца не вытекает ни капли жидкости — он тверд и сух, словно отпавший от дерева сучок. Человек кладет каждый трофей в особое отделение

ящичка, еще раз сверяется с факсом, мысленно ставя галочку против каждого пункта указаний.

Гроб закрывают крышкой и прикручивают ее шурупами, затем опускают гроб в могилу и начинают забрасывать ее землей. Работа идет легче и быстрее, чем при выкапывании гроба. Но не так быстро и легко, как им бы хотелось.

Утром мимо могилы проходит один из сторожей. Он не замечает ничего подозрительного. Работа выполнена чисто.

— Здесь нет гаража, — сказал Джон.

— Я могу это пережить. У многих домов в Лондоне есть гараж?

Джон кивнул. Может, она права и это не так уж важно.

— Мне нравится. А тебе?

Джон рассеянно посмотрел на знак «Продается», перевел взгляд на листок с описанием, который он держал в руке, и вернулся к осмотру крыльца с колоннами, казавшегося слишком большим даже для такого дома, увитых плющом и клематисом стен из красного кирпича и башенки. Башенка нравилась ему больше всего.

В детстве Джон мечтал стать архитектором, и если бы жил в прошлом веке, то спроектировал бы именно такой дом. Оригинальный стиль, три этажа, викторианская терраса из красного кирпича, башенка, которая сообщала дому вид одновременно величественный и эксцентричный. Он единственный на всей улице стоял немного в стороне, нарушая общий порядок.

Агент по продаже недвижимости, которого звали Даррен Моррис и который, по мнению Джона, обладал интеллектом и манерами двенадцатилетнего ребенка, описывал вокруг клиентов замысловатые круги и, чавкая, жевал жвачку. Из-за этого чавканья, прямой челки, сутулой спины и кривых ног он был похож на неандертальца. Он выглядел так, будто опаздывал куда-то, и всеми силами ста-

рался показать, что клиенты отрывают его от гораздо более ответственной встречи. Джон зашел ему за спину и, взяв листок с описанием дома в зубы, изобразил гориллу, скребущую подмышки.

Сьюзен отвела глаза в сторону, но не смогла сдержать улыбки. Агент по продаже недвижимости обернулся, но увидел только, что Джон сосредоточенно и внимательно изучает архитектуру дома.

— Сад с южной стороны, — сказал Даррен Моррис. Он поделился этими ценными сведениями уже в третий или четвертый раз.

Джон не обратил на него никакого внимания. Он молча смотрел на дом и вспоминал, каков тот изнутри.

Солнечный свет, струящийся сквозь стекло эркера в гостиную. Редкое сочетание простора и уюта. Чудесные комнаты с высокими потолками. Столовая, в которой легко можно было бы устроить обед на двенадцать персон (не то чтобы они когда-нибудь принимали так много, но кто знает?). Прилегающая к ней маленькая комнатка с видом на сад, в которой Сьюзен устроила бы рабочий кабинет для своих занятий. Подвал, где можно установить стеллажи и хранить вино...

Джон снова посмотрел на башенку. Ее прорезал сплошной пояс окон, позволяющий находящемуся в ней человеку видеть любую сторону света. Это была бы прекрасная спальня. На первом и втором этаже дома было еще четыре комнаты. Одну из них он занял бы под свой кабинет, остальные они превратили бы в запасные спальни и комнаты для гостей. Еще был чердак, но они на него еще не поднимались.

— Мне очень нравится сад, — сказала Сьюзен. — В Лондоне мало таких больших садов.

Джону тоже понравилось: сад был тихий, уединенный, а за оградой простирался красивый парк с теннисными кортами, прудом и целыми акрами газонов, трава на которых этим утром искрилась инеем. Однако дом требовал

немалых вложений, и это заставляло Джона задумываться о целесообразности покупки. Крыша выглядела неважно, так же как электропроводка и канализация с водопроводом. Бог знает, что еще вылезет наружу, — дом ведь очень старый. Запрашиваемая за него сумма была очень крупной, а вместе с затратами на ремонт она может стать совсем уж непомерной.

Башенка снова привлекла внимание Джона. Он не мог оторвать от нее глаз. Ему вдруг подумалось, что он всегда хотел жить в доме с башенкой. Но дело было не только в ней. Едва переступив порог, он почувствовал, что мог бы провести в этом доме остаток жизни. Спору нет, в нем есть величие, но есть также и некоторая раскованность, эlegantность, стильность. Сюда не стыдно будет приглашать клиентов. Это место станет его визитной карточкой.

Но здесь нет гаража.

Неожиданно для самого себя Джон, который всю жизнь хотел иметь дом с гаражом, подумал, что он не так уж необходим. Во дворе дома есть бетонированный пятачок, размером как раз на одну машину. И на улице можно припарковаться — где-нибудь между деревьями, чтобы никому не мешать. Здесь тихо, спокойно, сюда не доносится шум с лондонских дорог. Оазис.

Он подумал о том, как будет заниматься со Сьюзен любовью в спальне, расположенной в башенке, а летом, которое не за горами, — в саду, под теплыми лучами солнца. Сейчас конец февраля, и к началу лета они точно переедут сюда.

— Мне нравится, — сказал Джон.

— Я люблю тебя, — сказала Сьюзен и обняла его. — Я люблю тебя больше всего на свете.

Она с обожанием взглянула на дом и прижалась к Джону еще крепче. Она смотрела на Англию своей мечты. Этот дом воплощал в себе все старые английские дома из прочитанных ею книг — Диккенса, Треллопа, Остин, Гарди, Теккерея, Форстера, Грина. Одно за другим в ее голове

проносились описания элегантных лондонских и поместных особняков.

Сьюзен выросла в Калифорнии и в детстве, проведенном в основном за книгами, часто представляла себя героиней английских романов, устраивающей у себя прием, на который собирается элегантное, утонченное общество, или посещающей какой-нибудь аристократический дом, где о ее приходе объявляет дворецкий, или просто идущей под дождем по лондонским улицам.

— Я тоже тебя люблю, — ответил Джон.

Агент по продаже недвижимости кружил возле своей машины. Он в который раз посмотрел на часы и засунул руки в карманы. Каждый, кто увидит этот дом, тут же начинает сходить по нему с ума, говорит, что непременно купит его, — да только никто никогда не покупает, из-за ужасающего двадцатидевятистраничного списка неисправностей. Это да еще высокая цена, притом что владельцы дома не желают торговаться, отпугивают всех клиентов.

Даррен Моррис пригляделся к паре повнимательнее, пытаясь оценить их. Сьюзен Картер, судя по акценту, была американкой, под тридцать, модно подстриженные рыжие волосы до плеч, длинное верблюжье пальто, джинсы, ботинки. Она напоминала Моррису актрису, только он не мог припомнить, как ее зовут. Через минуту умственных усилий его озарило: Сигурни Уивер. Да, та же самая смесь красоты и мужской манеры себя вести. И может быть, немного есть в ней от Скалли из «Секретных материалов». Точно. Взглянув на женщину еще раз, Моррис подумал, что она даже больше похожа на Скалли, чем на Сигурни Уивер.

Джона Картера Моррис считал англичанином. Он был чуть старше своей жены — от тридцати до тридцати пяти. Одет со вкусом: длинное твидовое пальто, костюм от «Босс», зимние туфли с пряжками. Скорее всего, телевизионщик или рекламщик. Прямые черные волосы, красивое холеное лицо, немного мальчишеское, но решитель-

ное, — наверное, в твердости характера этому парню не откажешь. Моррис посмотрел на его черный «БМВ М3». Ни пятнышка, так и сверкает лаком. Отлично дополняет образ мистера Картера. Мистер Картер Само Совершенство. Удивительно, что на машине не персонализированный номерной знак, а обычный, и судя по нему, ей уже четыре года. Пижонская колыхага.

Не отрываясь от Джона, Сьюзен тихо спросила, выпустив изо рта облачко пара:

— Мы можем его себе позволить?

— Нет. Скорее всего, не можем.

Она чуть отстранилась и посмотрела на него. В свете утреннего солнца ее глаза были синими, как лазурит. В эти глаза Джон влюбился семь с половиной лет назад и не переставал любить их по сей день. Она улыбнулась:

— И?..

Преыдущие владельцы уехали из Англии. Дом пустовал, а они продолжали платить за него налоги. Может, они снизят цену, если пообещать им быстро оформить все документы?

Джон улыбнулся и ничего не ответил. Покупка этого дома — безрассудный поступок, но разве мало он совершал в жизни безрассудных поступков?

2

Человек, которого боялись столь многие, с видом важного вельможи сидел в своем кабинете.

Породистое лицо этого господина с годами стало изможденным, но все же сохранило тот особый нежный оттенок, который присущ только представителям знати. Его серым глазам, пронизательным и ироничным, не нужны были ни очки, ни контактные линзы. Его темно-русые волосы, пронизанные элегантными седыми прядями, были зачесаны с висков назад.

Его костюм был сшит на Сэвил-роу, по зеленому шелковому галстуку бежали крылатые кони; черные ботинки, скрытые сейчас от глаз письменным столом, блестели, словно зеркало. Его длинные тонкие пальцы с прекрасным маникюром перелистывали компьютерную распечатку. Вся его фигура излучала уверенность. Ему можно было дать от силы пятьдесят пять лет.

Его звали Эмиль Сароцини.

Он был живой легендой. Он вращался в высших кругах послевоенного общества — в основном на Французской Ривьере, проводя время в увеселениях на яхте семьи Докер в Каннах, обедая с Бардо в Сен-Тропе, завтракая с семейством Гримальди в Монако; или в США, где он принимал в своем доме таких звезд, как Мэнсфилд и Монро, и где его самого принимали в аристократических семьях Вандербильт, Рокфеллер и Меллон. Ходили слухи, будто сам Уорхол написал для него целую серию картин, которая, по распоряжению мистера Сароцини, никогда не была показана публике. Поговаривали также, что в Англии, для того чтобы отмежевать его от скандала Профьюмо, понадобилось влияние Асторов.

Некоторые рассказы об Эмиле Сароцини вызывали недоверие, а от иных и вовсе мороз продирали по коже. Были и истории, которые никогда не рассказывались, потому что у мистера Сароцини везде есть уши, а любая нелояльность карается самым жестким образом.

Каждая мелочь, касавшаяся мистера Сароцини, была окружена роем сплетен и домыслов. Это относилось и к его истинному возрасту, который для одних был поводом для горячего спора, а для других — зловещей тайной.

Все работающие на мистера Сароцини были в той или иной мере заинтригованы его личностью и фактами биографии. Словно магнит, он то притягивал их, то отталкивал, в зависимости от того, каким полюсом обращался в их сторону. Интрига, тайна и домысел — эти три тени сопровождали мистера Сароцини в течение всей жизни.

Очень немногим людям посчастливилось не подпасть под его влияние.

Тот, кто сейчас нес мистеру Сароцини ожидаемую им информацию, знал о нем больше, чем любой другой живущий на земле человек, и поэтому боялся его сильнее, чем все прочие.

Кунц открыл двойные филенчатые двери и вошел в секретарскую. Секретарша была стражем кабинета мистера Сароцини. Немногим избранным удавалось добраться до ее приемной. Но на Кунца секретарша даже не взглянула.

Через открытые двери кабинета был виден сам мистер Сароцини, статичная фигура которого напоминала статую египетского бога в главном зале храма. Большая часть кабинета была погружена во тьму. Единственное пятно света, источником которого служила настольная лампа, выхватывало из полумрака аккуратную стопку бумаг, записную книжку в кожаном переплете и часть поверхности стола. В кабинете было большое окно, но жалюзи на нем предусмотрительно опустили, чтобы в помещение не проник яркий свет утреннего солнца.

Кунц был высокого роста — шесть футов шесть дюймов, — у него были широкие плечи квотербека, грубо вылепленное лицо боксера, короткая стрижка. Как и всегда, он был одет в неброский костюм-двойку, на этот раз темно-синего цвета. И как всегда, он тщательно завязал галстук идеально ровным узлом и начистил туфли до зеркального блеска. Все его костюмы шил портной мистера Сароцини, но, несмотря на дорогой материал и качество пошива, Кунц никогда не чувствовал себя в них совершенно свободно. Посторонний человек принял бы его за вышибалу, работающего в ночном клубе, или за военного в увольнении, надевшего гражданскую одежду с чужого плеча.

На пороге кабинета Кунц нервно сглотнул, поправил узел галстука, бросил взгляд на туфли, застегнул на все пуговицы пиджак. Он знал, что по части внешнего вида он подводит мистера Сароцини, но во всем остальном —

в учении, в выполнении поручений и приказаний своего учителя — он был на высоте. И Кунц гордился этим.

Мистер Сароцини дал ему все, он сделал из него человека, но Кунц знал, что он с такой же легкостью может отнять у него все пожалованное ему. Осознание этого усиливало огромный страх, который испытывал Кунц перед хозяином, и подпитывало его рабскую преданность.

— Ну? — произнес мистер Сароцини и выжидающе улыбнулся.

Кунц подошел к столу. Улыбка мистера Сароцини успокоила Кунца, и он почувствовал к нему такую огромную любовь, что захотел обнять его, как отца. Но это было невозможно. Много лет назад мистер Сароцини запретил ему выражать свою любовь посредством физического прикосновения. Поэтому Кунц протянул через стол конверт и выпрямился, демонстрируя внимание.

— Ты можешь сесть, Стефан, — сказал мистер Сароцини.

Он распечатал конверт и немедленно погрузился в изучение его содержимого.

Кунц с прямой спиной сел на краешек стула, когда-то принадлежавшего оттоманскому принцу — его имя Стефан забыл. В кабинете мистера Сароцини было много ценностей и старинных вещей, но здесь присутствовало и кое-что, чего не создать искусственно ни с помощью денег, ни с помощью обстановки, — запах власти и силы, источаемый этой комнатой.

Кунц чувствовал себя как Алиса, попавшая в мир, где все вокруг непривычно большое. Его подавлял немислимых размеров стол, огромные шкафы, выстроившиеся вдоль одной стены, картины размером с небоскреб, висевшие на другой, скульптуры, бюсты и статуэтки, бросающие на него высокомерные взгляды, ряды облеченных в кожу томов, презирающих всякого, кто менее начитан, чем их владелец. Он перевел взгляд на мистера Сароцини.

По его лицу ничего нельзя было определить.

В кабинете висел застарелый запах табачного дыма, но единственная стеклянная пепельница на столе мистера Сароцини была чистой. Кунц знал, что мистер Сароцини, который никогда не изменял устоявшимся привычкам, уже выкурил свою первую за день «Монтекросто» и не зажжет следующей сигары еще в течение часа.

Мистер Сароцини держал в тонких, опушенных с тыльной стороны мягкими волосками пальцах небольшой документ, состоящий всего из шести страниц. Он дочитал документ до конца, затем лицо его стало жестким, выражая неудовольствие.

— И что я должен с этим сделать, Стефан?

Такой вопрос застал Кунца врасплох, хотя он, служа у мистера Сароцини много лет, знал, что ожидаемые им ответы часто не подразумевают прямого реагирования, а связаны с вопросом более сложным образом. Поэтому он тщательно обдумал ответ, как много лет назад учил его сам мистер Сароцини, и сказал:

— Возможности неограниченны.

Лицо мистера Сароцини исказилось и выразило почти что ярость. Это испугало и смутило Кунца.

— Это список покупок, Стефан. Посмотри, что здесь написано: «Двенадцать булочек, два литра снятого молока, масло, курага, салями». Зачем ты дал мне это?

Мысли Кунца лихорадочно метались. Это просто невозможно. Он не мог... он не мог ошибиться! Откуда взялся этот список покупок? Документ был передан ему профессором-генетиком, крупным специалистом в своей области. Может, этот ученый идиот дал ему список покупок вместо документа?

Нет, это невозможно. Он проверил его несколько раз.

Выражение ярости на лице мистера Сароцини померкло, его сменила спокойная улыбка.

— Стефан, не волнуйся так. Это была шутка. Ты должен научиться правильно воспринимать шутки.

Кунц настороженно смотрел на хозяина. Он был в замешательстве и не знал, что последует дальше.

— Хорошие новости, — сказал мистер Сароцини и постучал пальцем по лежащему на столе документу. — Очень хорошие.

Кунц постарался скрыть охватившее его облегчение — за многие годы он усвоил, что никогда не следует показывать мистеру Сароцини свою слабость. А благодарность — это слабость. Он с самого начала должен был знать, что с документом все в порядке. Его реакции не требовалось. Служба у мистера Сароцини была для него одним непрекращающимся уроком — уроком длиной почти в целую жизнь.

Чтобы не выдать своих чувств, он отвел глаза от лица хозяина и стал смотреть на мягкий ворс персидского ковра. Какой сложный узор. В каждый персидский ковер заткан какой-либо сюжет, но Кунцу не хватало знаний определить, какой он у этого ковра. Он подумал о Клодии, сосредоточился на ней. Интересно, сегодня ночью она позволит ему связать себя и выпороть? Он решил, что спросит ее разрешения, но, если она скажет «нет», все равно свяжет и выпорет.

Он чувствовал ее аромат, оставшийся на его коже. Он подумал о ее стриженном лобке, и страх перед мистером Сароцини сменился сексуальным возбуждением. Затем страх вернулся.

Он посмотрел на картину, висящую на стене за спиной мистера Сароцини: современная работа, абстрактная живопись. Кунц ничего не смыслил в абстрактной живописи и не мог определить, хорошая эта картина или плохая, однако он был уверен, что она стоит огромных денег и имеет особую значимость в мире искусства — иначе ее просто не было бы в этой комнате. Течение его мыслей прервал голос мистера Сароцини. Его хозяин изъяснялся, как обычно, на безукоризненном немецком языке, хотя Кунцу было известно, что немецкий язык ему не родной.

— Это потребовало тридцати лет работы. Именно столько мы искали. Тридцать лет. Ты понимаешь, как это важно для нас?

Кунц понимал, но предпочел промолчать.

— Нет ли у тебя слабости, Стефан?

Кунц удивился вопросу. Он помедлил, прежде чем ответить, прекрасно понимая, что мистера Сароцини невозможно обмануть.

— У каждого человека есть слабость. Это Двадцатая истина.

Мистер Сароцини, похоже, был удовлетворен ответом. Он выдвинул ящик стола, вынул из него конверт и отдал его Кунцу.

В конверте были фотографии мужчины и женщины. Мужчине на фотографиях было лет тридцать пять. Эффектный брюнет с мальчишеским лицом. Женщина выглядела на несколько лет моложе. Рыжие волосы до плеч, ровно подстриженные. Красивая, современная.

На другой фотографии она была в топе на бретелях и короткой юбке. У нее были потрясающие ноги, стройные, может быть, чуточку излишне мускулистые. Кунц осознал, что они возбуждают его. Грудь под топом выглядела упругой и тоже возбуждала его. Он спросил себя, так ли хорошо она пахнет, как Клодия. Такую женщину он хотел бы связать и выпороть. Даже, наверное, предварительно связав и заставив смотреть на это ее красивого мужа с мальчишеским лицом. Мистер Сароцини снова заговорил, спустив Кунца с неба на землю:

— Мистер и миссис Картер. Джон Картер и Сьюзен Картер. Они живут в недавно приобретенном доме в Южном Лондоне. У мужа свой бизнес, программное обеспечение, жена работает в издательстве. Детей нет. Ты отыщешь, в чем слабость Джона Картера и Сьюзен Картер. Все ясно?

Кунц снова просмотрел фотографии. Его волнение росло. Он обратил особое внимание на снимок, на котором так хорошо были видны ноги и грудь женщины. Интересно, волосы у нее на лобке тоже рыжие? Он очень на это надеялся.

Мистер Сароцини подарил ему Клодию за хорошую службу. Может быть, если он угодит мистеру Сароцини, тот подарит ему и эту тоже.

— Все ясно, — сказал Кунц.

З

Перед дверью банка Джона Картера скрутил нервный спазм. Он обливался потом. Он уже и не помнил, когда в последний раз чувствовал себя подобным образом — наверное, еще в школе, в кабинете директора.

Рубашка прилипла к телу, мозг отказывался работать, координация движений полетела к черту. Он толкнул дверь, на которой ясно было написано: «Тяните», но из-за нервного напряжения даже не смутился.

Он пересек фойе, поглядел на очереди, ведущие к банковским кассам, и, постаравшись взять себя в руки, подошел к окошку с надписью «Запросы».

Вид женщины, сидевшей за стойкой, еще более увеличил его нервозность — она посмотрела на него так, будто его имя и описание было в каком-то секретном черном списке, распечатанном для всего персонала банка с пометкой: «Быть с ним настороже».

— У меня назначена встреча с мистером Клэйком, — сказал он, и под сфинксовым взглядом женщины его голос прервался, словно речь коммивояжера, продавшего за день уже бог знает сколько пылесосов.

Женщина неодобрительно нахмурилась, и Джон испугался, что он неправильно произнес фамилию управляющего.

— Его фамилия ведь так произносится?

Она деревянно кивнула.

Джон был одет в свой самый строгий костюм, темно-синий из легкой шерсти, белую хлопчатобумажную рубашку, неброский галстук и черные ботинки со шнурками, а под

брюками у него были красные трусы в белый горошек — проверенный талисман, приносящий удачу. Он обсуждал со Сьюзен, что надеть на встречу, и прошлым вечером, и нынешним утром, примерил три разных галстука и четыре пары туфель, прежде чем убедился, что производит должное впечатление. В заключение она сказала, что он выглядит представительно, но без пижонства.

Джон подумал о мистере Клэйке, в сотый раз задавшись вопросом, что он за человек. Он размышлял о нем уже в течение двадцати четырех часов, с того момента, как вчера ему позвонила секретарша Клэйка и назначила встречу. Его мысли занимала также машина, которую он поставил на двойной желтой полосе недалеко от банка, — может, если повезет, ее и не погрузят на эвакуатор и не увезут, но без этого дополнительного беспокойства он бы сейчас прекрасно обошелся. У него не оставалось выбора: стоянки поблизости не было, а он уже на несколько минут опаздывал.

Джон вспомнил вдруг о где-то слышанной им шутке, в которой человек рассказывал своему другу о том, что у управляющего его банком один глаз стеклянный. Друг спросил, как он определяет, какой глаз стеклянный, а какой настоящий. «Это просто, — ответил он. — Стеклянный смотрит как-то теплее».

Шутка уже не казалась Джону смешной. Он вынул из кармана платок и вытер взмокший лоб. Чертова эволюция. Все дело в адреналине. Пятьдесят тысяч лет назад адреналин помогал пещерным людям спастись от саблезубых тигров. В данный момент Джону угрожало совершенно не это, а надпочечники все равно выделяли его. Под влиянием адреналина наполнялись кровью мышцы, ускорялся пульс, расширялись зрачки, начинали усиленно функционировать потовые железы. Ему позарез нужно было успокоиться, но эволюция не вооружила его необходимым для этого механизмом.

Он снова вытер лоб. Шея уже стала липкой, а потоотделение все усиливалось.

Мысли Джона метались. Ему было тяжело сосредоточиться на каком-либо одном предмете. Он вдруг испугался за свою машину. Сколько она сможет простоять на Пикадилли на двойной желтой линии? Десять минут? Двадцать?

— Следуйте, пожалуйста, за мной.

Он задержался, чтобы посмотреть на себя в зеркало, пригладил ладонью волосы, поправил галстук и глубоко вздохнул. Надо держать себя в руках. В жизни он попадал в трудные ситуации, и всегда умение владеть собой помогало ему. Он умел очаровывать окружающих, умел манипулировать людьми. Предыдущий управляющий этим банком, Билл Уильямс, был у него в кармане. Все, что ему нужно, — это сохранять спокойствие, проявлять вежливость и дружелюбие и показать мистеру Клэйку, какое прекрасное будущее у его бизнеса.

Он прошел в дверь вслед за сотрудницей банка. Кабинет остался таким же, как и прежде, — синий ковер, темное дерево стола, стен и мебели, — но с одним отличием: вместо Билла Уильямса в кресле управляющего сидел мистер Клэйк.

Билл Уильямс преклонялся перед техническим прогрессом, и на протяжении семи лет Джон был его проводником в мире компьютерных технологий. Они играли друг с другом в виртуальный гольф на компьютерах в своих кабинетах. Иногда Джон приглашал его в свой клуб в Ричмонде поиграть в настоящий гольф. Он научил Билла интернет-серфингу и показал, как искать в Сети порнографические фотографии — Билл называл их «картинки с милашками» — и прятать их в защищенные паролем папки на жестком диске компьютера.

Джон учил Билла Уильямса всему, что он хотел знать о компьютерах, а взамен Билл Уильямс давал ему все необходимые банковские кредиты — длинный кусок веревки для самоубийства через повешение, как любил шутить Билл.

Джеймс П.

Д 40 Роковой выбор : роман / Питер Джеймс ; пер. с англ. А. Белоруссова. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2020. — 544 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-18437-4

Супружеская жизнь Джона и Сьюзен Картер кажется счастливой. Они любят друг друга и свой прекрасный лондонский дом, им есть о чем поговорить, не обсуждается лишь одна тема — это дети. Детей у Картеров нет и не будет. Так решил Джон — ведь у него есть на это особое право, — а преданная жена поддержала его, глубоко затаив разочарование и боль. Но внезапно, по необъяснимым причинам, рушится их финансовое благополучие. Ситуация угрожает потерей дома, Картеры в отчаянии, но в этот момент на горизонте появляется таинственный незнакомец и предлагает помощь в обмен на... ребенка. Суррогатное материнство не пугает Сьюзен, напротив, эта перспектива кажется ей по-своему привлекательной, Джон готов потерпеть каких-нибудь девять месяцев, и супруги принимают предложение странного благодетеля, не подозревая, что с этого дня стали орудием неких неведомых сил.

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

Литературно-художественное издание

ПИТЕР ДЖЕЙМС
РОКОВОЙ ВЫБОР

Ответственный редактор Янина Жухлина
Художественный редактор Виктория Манацкова
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Корректоры Анна Быстрова, Анастасия Келле-Пелле
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 05.08.2020. Формат издания 75 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 23,97.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1,
комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

H-MBD-27045-01-R